

самыми короткими и верными способом насладения на земле социальной справедливости. Набоков с одной из энергий преломлял полемическую коню и с тьм, и с другими. Он был долог, блестящий и острый для своих противников. Он разил сильно и метко. Ему не приходилось подыскивать аргументов, ибо он защищал то, что составляло его ровное убеждение, а логическая сила его ума давала ему возможность быстро вскрыть все пороки в аргументации его противников. Но всегдана особенностью его полемик было то, что в самом жарком, словесном бою, в ответах, на самые резкие полемические излияния противников он сохранял достоинство поистинного джентльмена, его сарказм бывал убедительным, бою, по существу, но всегда при этом обещая, в корректной форму, его ирония была легкой и безподойной, но это было ирония тонкая, прокинутая тактом и вкусом, чуждая даже и отдаленного намека на что-либо грубое. Никто не выдерживал влито от всей личности Набокова.

Это духовное благородство оказывалось не только во внешних приемах его деятельности. Оно отпечатывалось и в самом существе его политической работы. Он был стойким выразителем определенного мировоззрения. Твердыми шагами шел он по прямому пути, не колеблясь сию и омаю, не хромая ни на правую, ни на левую ногу. Но эта стойкость была далека от фанатической ограниченности, от нетерпимости, от самоуверенного приятия на монополю обладания всей истиной. Напротив того, он в высшей степени склонен был искать в позиции много мыслящих таких элементов, которые давали бы возможность взаимного понимания и обнения. Будучи членом первой Государственной Думы, он вложил много усилий в улаживание вспыхивавших там парламентских конфликтов между фракциями. Он постоянно находился в движении во время заседания. Его стройный, изящная фигура мелькала то тут, то там в различных секциях думского зала. Он был неутомим в переговорах, направленных на устранение междоусобиц, недоразумений и столкновений и обнаруживал чрезвычайную находчивость в прикрасивании удачных примирительных формул. Его так и называли товарищи по Думу «стрелочником», во время предупреждающих несчастия и направляющих побед на правительственные рельсы.

Но эта его наклонность и способность к политической работе в духе концентрации не ограничивалась областью парламентской техники. Он забирал глубоко и при обшении с крупными политическими, впрочем его мысль воспаряла выше установленных партийных перегородок. Эта черта ярко сказывалась в нем в эмиграции, когда понадобилось определить свое отношение к различным группировкам, связанным с обстоятельствами гражданской войны. Набоков пролился здесь в нутру кругозора и свободу от шор узкой нетерпимости.

Его безвременная смерть явилась сурово тяжелой утратой для эмиграции. Никто не только прекратил человек, беспредельно возмущенного благородства. Погиб политический деятель, который обладал всеми дарами для того, чтобы стать во главе собрания разрозненной хранилища русской эмиграции. Можно не сомневаться в том, что, если бы он продолжал жить, его усилия были бы направлены не

на то, чтобы множить и обострять разногласия, а на то, чтобы наметить и проложить путь к примиряющему синтезу тех разногласий, между которыми могут быть отысканы точки соприкосновения. И он внес бы в это дело обилие своей личности, чуждой мелкого тщеславия, одушевленной чувством благожелательства ко всякому искреннему стремлению.

Как благородный рыцарь возвышенной идеи права, воледей Набоков в историю нашей эпохи, столь богатой разнообразными проявлениями беззакония. Кругом политических интересов не ограничилось содержание его внутренней жизни. Он был широко образован. Театр, литература, искусство привлекали к себе его внимание. Он был тонким ценителем художественного творчества. Мней рассказывал П. Д. Боборыкин о своей первой встрече с Набоковым. Это было на каком-то литературном собрании, на котором Набоков, только что кончивший тогда университет, читал реферат о произведении Диккенса. Этот доклад произвел на Боборыкина такое впечатление оригинальностью высказанных в нем мыслей, что маститый беллетрист через много лет вспоминал этот этот вечер с живейшим удовольствием.

Я помню другой вечер, проведенный мною у Набокова. Тут в маленьком избранном обществе читалось только что появившаяся тогда драма Мерекзевского «Павел I». Набоков являлся слушателем, делая тонкие эстетические замечания, и несколько раз приносил из своей библиотеки разные книги и приводил на них цитаты в подтверждение своих соображений.

Эта громадная его библиотека также свидетельствовала о широте духовных интересов ее обладателя. Видно было, что он подбирался опытной рукой не ради простого коллекционирования, а ради удовлетворения серьезного стремления к тому, чтобы в просвещении быть с вхождением равным.

Поблизости в кабинет Набокова знающим поднимать освещающим воздухом подлинной культуры. Общение с такими людьми бодрит и подбадривает силы для посязания жизненной ноши среди тяжелой сутулости текущих будней. Сохраним же о нем память светлую и благодарную.

А. Кизеветтер.

У донских казаков.

Законченный простой донской казак, хорошо знакомый с полемикой и настроением в станицах северных округов, рассказывает следующее. Рассказ относится к началу нынешнего года. От былого тонкого обозначения, по весьма понятным причинам, приходится воздерживаться.

После «папа» первые годы жились легче. Хозяйство несколько окрепло. Замки стали думать «кулак» и доминировать казаками. Крестьянин и казак, имевшие упряжки из 3-х быков, объявлялись были казаками. В результате — сокращение постонов. Были ити или десяти десяти на хозяйство не съезды.

В Донской области наиболее пострададо конноедство. Оно не возмещено и теперь. Безлошадных до 70%. Память на быках и коровах. Привезли, было, трактора. Скоро их поломали, потинить не смогли, бошину в нужное время не достали. Ины в многих станицах поломанные трактора валяются на полях.

проводили депутата в большому, сильному автомобилю и с. Корнаван с удовольствием замят, что возы автомобили топились и еще человек 20 втрывались.

— Не угодил ли вам человек, дорогой товарищ? Корнаван уехал, за ним вскопало и еще человек семь и автомобиль с убитой вилкой бошой ход.

Быстро пролетели бляй, африканский город, на ствах которого красовались афиши, возмущавшие о предстоящей конференции с участием депутата и выехали из поле.

— Куда вы меня везете? — спросил пылкой обозначенный депутат.

Но никто из путников не о ответил. Лица у всех были серьезные, брови нахмурены. Автомобиль повернул по обратную сторону и, как бешеный полетел по дороге в Аджар. Мелькали перелески, засеянные поля, виноградники.

Скоро выехали в большой дель и здесь у моголчане камия автомобиль круто остановился.

Депутат поблдил.

— Будьте добры, г. депутат, прочитайте надпись на этом камне.

Несутный депутат повиновался и стал читать:

— «Здесь предатели были убиты туземцем дльничий, которому перебили горло»...

Печать.

В Москве закончился съезд работников печати. Луначарскому наговорили кучу неприятностей. Но с него как с гуси вода. Он согласен с тем, что совершенно справедливы жалобы на низкую квалификацию мбтной инспектуры по народному образованию.

Он согласен, что школа вообще поставлена в ненормальные условия.

Учителю за каждой мелочью приходится бдиль в волю.

Он согласен, что педагогическое творчество его ведомства нипкуда не годится.

Правильны замечания учителей о плохом языке наших учебников.

Он согласен, что в школах царит распушечность.

На съезде много говорилось о падении дисциплины учащихся в школах.

Со всем этим он согласен, но противостоит ничему кроме безобразных слухов не может. Так, на съезде требовалось, чтобы в виду недостаточности снй школ второй ступени разрешать организацию частных школ второй ступени.

Хитбе дешевле. Рожь можно купить по 45 коп, но к промышляющим товарам доступа нет. Хорошие сапоги по дешаво 50 руб. за пару, плохие — 30—35 р. Низкая торговля в руках кооперативов. Если в них есть старые работники, дело идет. У молодых ничего не клеится: воруют, везд. В трестях украинские частные торговцы, но за ними очень следят.

Время былой подавленности проходит. Теперь все и всюду критикуют советскую власть, часто с большой злобностью. Демонстративно ходить в казачьих костюмах, «уважать» церковь и стариков, которых стараются проводить в разны учреждения. Казачья молодежь стала лучше. Ветхм являются толпы безпризорных, юных на жельзнодорожных станциях. Бывали случаи, когда на отказ дать милостиво отычли вытканьем в ногу шпала.

Никаких казачьих войсковых частей нет. Красной же армии казаки не любят и изгнать туда на охоту. Ущажается небывало рытые случаи уклонения от воинской повинности вплоть до членовредительства.

Натянуты раньше отношения между казаками и крестьянами (многогородный) смятением. Обий гнет войз уравнивал. Но все же различия есть. Казаки больше религиозны и больше прижизнены к старшим, тем крестьяне. Живоцерковны и обновленцы (главным образом из среды духовенства) уважением не пользуются и как-то неезают. С презрительной потительностью относятся к старым священникам, признающим церковь патриарха Тихона. Постбдиль почитается за святого и никаким разговором о признании им большевизмом не вярты.

Гражданских браков у казаков не существует. Советские газеты читать избгают, втр им не дают никакой.

Он эмиграции сначала жалел, что она придет из-заграницы с войском и проглотит коммунизма. Когда этого не случилось, стал обвинять эмигрантов, что они за-границей хорошо устроились и в России забыли. От «возвращенцев» узнали, что эмигранты живут плохо и бездельно.

— Вот видите, г. депутат, это дело одного из тех заблудших кого вы собираетесь просвещать вашей коммунистической доктриной. — Потрудитесь теперь садиться, поедем дальше!

Что оставалось делать депутату? Он съел и упавшим голосом спросить:

— Но куда вы меня везете?

— О, вы можете совершенно не беспокоиться, г. депутат: вам не сдлается ничего дурного. Мы хотим только не допустить вашего выступления здесь и мы похитили вас.

— Но куда, куда вы везете?

— О, мы вдем в отарователю мбто. Это лучший угодок Аджара. Позовите знать в пятидесяти километрах отсюда знаменитый дель Таурири-Пилы?

— А там?

— А там мы будем обдять...

— А потом?

— А потом мы повезем вас на вокзал и отпустим на все четыре стороны.

Депутат замолчал. Он понял, что конференция не состоится и что ему так и не удастся передать товарищам-кабалам привет из Москвы.

Но когда выехали наконец в прекрасный дель и автомобиль остановился у шикарного загородного ресторана, настроено измнливости. Появились аперитивы, вино, закуски.

Похитители были необыкновенно влищны и даже почтительны с депутатами.

Луначарский признавал, что школа хавает, но о разрешении частных школ не может быть. И довод приводил замечательный.

Такая школа будет доступна только зажиточным слоям населения.

Но ведь во всяком случае зажиточные освободить хотя бы государственной для нежиточных.

Наш на съезде настоятельно требовали в средней школе выпуск экзамены.

Луначарский рбшительно против.

Он вообще против системы экзаменов, которые часто являются матереем неспасения.

Но ведь экзамены существуют приезда в Вузы. Это, поясняет Луначарский,

оставлено по необходимости для обьяного контроля степени подготовки учащихся.

Почему же, однако, здесь экзамены являются контролем степени подготовки там они потеряны.

он свернуть коммунизма. К вощеначам из интеллигенции, признавая большевизм, относятся с презрением простыми людьми — безразлично.

Павелович от коммунизма эзтотот от войны. Тогда народ сам берет себя царя. О Николае Николаевиче говорил до 1923 года, пока втрин, он придет с войском из-за-границы. Когда же узнали о его словах, что ждот, пока народ в России его помет, не разочаровались. Выбирать из царя не хотят, так как он стар и не прилето выбирать другого царя. Народ не знает и никаких прав на царя за ним не признают: «ему нечего в дело мбтаться». Обий толк разужае: что за великий князь, если не царь? сам свою власть вернуть? Когда сами коммунисты свергнем, то они не надобны, сами цар и выберет, цар мучит, чтобы генералы не слис.

Самым непопулярным челоом продолжает оставаться Керенский. Пространно легенда, что Савинков прдал ему вырвать несколько десят тысяч коммунистов, да он струас.

О причинах революции толкуют р Старик продолжает винить студентов евреев. Друго считают, что корень — обман темного народа: вот в этих странах нет большевиков. Они социальное настроение враждебно, но кто они такие — не знают. Нельзя сплать и голоса, что в Европическое много, а вреда от этого и и порядки там хорошие.

Сильны тпа к образованию и нежестко существующей школой, особенно в сель. Среди родителей замтно стрик нескать старых учителей и учить дмдома. Даже среди школьников есть попытки устраивать кружки самообразования. Совершенно не признают молодика втрехних врачей: кто тебя учил? не знаешь?

Видный вид жизни очень убогий. И дель, красной, гловей, столов. Самая ласка недержима. К рабочим и к рокам, вообще, настроено очень враждебно.

Он усидили его за стол, ушачи и брли даю своим председателем на мю быба.

За здоровье достоюченного депутата Корнаван! Ура! Обдй был превешный, вина изысканная и депутат в развеселился.

Но к вечеру его опять усидили в томобиях.

— Пора, г. депутат, вы можете съезд на вокзал!

Автомобиль снова развал полным домом, но едва проехал несколько метров, как по дороге встретился полнейший другой автомобиль, переполненный пассажирами, в руках которых были руженины, дуча.

— Нам! — послышалась команда. Не с вами ли, господа, депутат Корнаван? Мы его ищем!

Похитители молчали, но депутат завелся.

— Да, я здесь, я отказываюсь от итительство закона! Со стороны товарища депутата это было не совсем неожиданным: человек пыл, дль, нестерпим аперитивы, председателиствовали в дождь и потом отдался под шумок кулачного закона и перебежал, даже тель в полицейский автомобиль.

Но дло, однако, на этом не кончилось: депутат-коммунист забыл буржхх хитб-соль и подаль в суд.

На этих днях веселым похитителям очно порядочные люди с безупречным

Парижские письма.

Французский депутат коммунист, г. Гастон Корнаван, задумал посетить Аджар и проанализировать в Бужу, где должна была состояться партийная конференция.

Депутаты во Франции пользуются в которых путевыми привилегиями и г. Корнаван бхал, конечно, в купе первого класса и обдумывал свою рб.

Его забавляло, что говорить придется, может быть, перед кабинетами, которые никогда не слышали имени Ленина и Троцкого и, кроме своего Мюлета, ничего не знают.

— Все таки я передам товарищам кабинета коммунистический привет из Москвы. А если их удастся заехать, то мы устроим в Африку выступление с красными знаменами и с пылким «интернационалом». Вот только убоить ли эти бльшие черти пть интернационала?

Побед, приехать в Бужу около часу дня и депутат не без тревоги высплывал в око вагона:

— Будет ли встреча? Пришли ли товарищи-кабала?

Но пть, встречать пришло только два человека — почтовый чиновник и рабочий колесного завода.

— Товарищ! позвольте позвать ваших братьев и советских рук!

С изысканной влжностью товарищи

положение в

Шанхай прибы

оказался в

Владе коммуни

большой союз

и пришел при

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

и желает урег

